

Певец Александр Маршал в авторской программе «Антонимы»: «Ждём победу России над всем блоком НАТО и их кураторами за океаном!».

Шел 1993 год и новый солист популярной рок-группы Gorky Park Александр Маршал пел «Moscow Calling». Спустя 29 лет Москва снова вызывает всех здравомыслящих людей мира на диалог, призывая положить конец гегемонии Запада и его устаревших ценностей.

19 мая 2022 года группа российских артистов (Лариса Долина, Григорий Лепс, Николай Басков, Олег Газманов, Александр Маршал) объявили о создании российской музыкальной ассоциации, которая будет объединять всех выступающих против отмены русской культуры.

В эфире «Антонимов» заслуженный артист России Александр Маршал обсудил с Антоном Красовским уехавших из России артистов, невозможность попрощаться с умершими в Киеве родными, разочарование в американской мечте, будущее Украины, а также отмену русской культуры за рубежом. И, конечно, спел песни, которые помогают нам жить и добиваться правды.

Фотографии Александра Маршала и ведущего программы доступны здесь:

<https://disk.yandex.ru/d/505OaE85h8T-ag>

Весь прямой эфир доступен на следующих платформах:

VK: https://vk.com/wall-202958281_20350

RuTube: <https://rutube.ru/video/169d9a4a8250c513f23bdafe71f78317>

Яндекс.Дзен: <https://zen.yandex.ru/antonymus>

OK: <https://ok.ru/live/3602666495626>

По всем вопросам и для запроса дополнительных материалов можете смело обращаться в формате 24/7: Олег Трофимов ootrofimov@rttv.ru

Про Крым

В 2015 году я уже не мог туда поехать. Я могу сказать только одно, что я знаю, за что это. То есть за то, что я выступал в Крыму. То есть надо было спросить разрешение, поехать через Украину. Но всё дело в том, что я там вырос. Все дело в том, что в Севастополе, городе-герое, жил мой дед и бабушка. То есть сестра, родная сестра моей родной бабушки. А её муж, я как внучатый племянник. Так вот этот вот дед, подполковник, он прошел всю войну капитаном второго ранга на крейсере «Молотов».

Так вот он был жестко подкован историей, то есть он знал историю Крыма. И он работал, когда демобилизовался, работал сначала экскурсоводом в «Панораме обороны», а потом стал её управляющим, директором. И он до пенсии был. И когда я пацаном каждое лето туда приезжал, то с родителями, то меня одного туда отправляли, то я, конечно, шел с ним в «Панораму обороны». Там есть такая потайная дверца маленькая, чтобы ухаживать за вот этими экспонатами, которые половина настоящие, а половина нарисована. Там лежат солдаты, накрытые шинелями, они нарисованы, а здесь вот ноги сделаны, я это всё трогал руками, потому что это всё было так интересно... Одним словом, я там вырос. И мне было дико непонятно, почему. Это же Крым!

Мало того, в 1977 году, когда я демобилизовался из армии, я побыл дома, наверное, неделю и уехал в Алушту. Там мои друзья уже играли на танцплощадке, они меня ждали. И я там играл на танцах, жил. Я в Ялте не хотел никогда жить. Ялта – сумбурный город, а Алушта какой-то уютный. Играли в Ялте, играли по всему побережью ЮБК. И поэтому мне было так это дико и так это, как вы сказали, стремно, как так, мне нельзя в Крым? Я же там вырос! И за что, главное, что я такого сделал? И потом, когда я там уже бывал неоднократно, спустя много лет, и вот эта незабываемая дорога из Симферополя в Ялту...

Верхняя, троллейбусная. Которая раньше была идеальная, а сейчас она была вся в заплатках. То есть это еще к России только-только Крым присоединился. Я думаю, неужели за 30 лет нельзя было дорогу сделать! Это что такое вообще! Понастроили каких-то немыслимых вещей на берегу, брошенные все эти здания, уродливые совершенно. То есть там никто за этим не ухаживал, за этим Крымом, только «дай», «дай», - воровали. Видимо, так, мне так кажется.

Какой будет победа?

Самый главный тезис [у друзей-офицеров, участвующих в спецоперации], чтобы только не включили заднюю скорость, иначе будет стыдно перед погибшими ребятами: «Мы не можем себе этого позволить». И особенно начало, когда всё началось, буквально через полторы недели, я переписывался, было очень трудно. Один из них мне сказал: «Мы воюем сами с собой. Мы воюем с такими же, как мы – подготовленными, а самое главное, упертыми», - ну, всё понятно. И поэтому очень хочется, чтобы все это закончилось и закончилось в лучшую сторону. Я не могу сказать, что прям «победой» - победой кого над кем? Победа здравого смысла над глупостью, да? В конце концов, победа просто человека над нацистом вот где-то там. Потому что нацизм сам по себе неприемлем вообще, ну, неприемлем. Победа России над всем блоком НАТО и их кураторами за океаном.

Запрет на прощание с умершими родными для русских

Когда с факелами они шли по городу, ходили и ходят... Сейчас уже, наверное, меньше, в меньшей степени – все молчали. Это как? В общем мне очень больно и на душе очень скверно от того, что происходит. Потому что так получилось в моей жизни, мой отец, когда демобилизовался... Ну, надо сказать, что мы все время жили в военных городках, то есть в маленьких. Я родился в городе Кореновске, в Краснодарском крае, там отец начинал свою летную деятельность как летчик-инструктор. А потом и Тихорецк город, где я пошел в первый класс. Одним словом, мы всегда переезжали.

Мама всегда хотела в большой город. И вдруг, батя, когда уже демобилизовался, увидел на доске объявление, висело объявление, что меняется на Киев трехкомнатная квартира на двухкомнатную на Оболони – и они туда переехали.

Это 90-е годы. А я из дому уехал в 17 лет, потом поступил в военное училище, потом служил в армии. Одним словом, я с 17 лет дома не жил, я уже был самостоятельным человеком и, когда они поменялись, я к ним приехал как в гости. Я там никогда не жил. Я говорю: «Батя, это конечно был твой замечательный поступок, что ты 3-комнатную квартиру поменял на 2-х...», - а он говорит: «А сопли вытираются рукавом, ты знаешь?» Ну, у меня батя был таким серьезным с юмором человек. Но дело не в этом, в 2001 году его не стало. Я его похоронил в Киеве. Я его похоронил на лесном кладбище. И надо отметить, что я там очень часто выступал. Это и во дворце «Украина» и на Контрактовой площади огромный концерт у меня был. Одним словом, это был город, с которым связано очень много, и никогда в голову не могло прийти, что может произойти вообще дальше. Хотя это уже назревало, медленно, но верно. И в 2015 году не стало моей мамы.

А поскольку я там не въездной с того самого 2014-го, когда случилось то, что случилось, и появился сайт так называемый «Миротворец». А поскольку я выступал в Крыму, мне сказали, мало того, чуть позже, когда я выступал на открытии крымского моста, вел программу концертную, на меня завели уголовное дело там. Обязательно надо завести уголовное дело. И я позвонил своим друзьям, моим давним старым друзьям, которые в Киеве, и сказал, что вот такая ситуация, подстрахуйте меня в аэропорту. Они позвонили СБУ, я так думаю, не сказали кому... Они спросили: «Кто?» - «Вот такой-то артист» - «Пусть не приезжает, мы не гарантируем. Но то, что его в аэропорту арестуют, это стопудово». И я говорю, ну, что делать-то? Слава богу, что у меня там такие друзья. Они кремировали маму и привезли урну.

В 2017-м году ушла моя сестра, которая жила с родителями, Ирина, на 10 лет младше меня. И такая же история – то же самое. Я не смог поехать, они также привезли урну. Я говорю: «Братцы, ну, там батя на лесном кладбище», - эксгумировали отца, кремировали, привезли урну. Теперь они у меня на Троекуровском кладбище, у них хотя бы есть куда-то приходить. Я уже это говорил, но я не могу не сказать ещё раз. Те, кто со мной это устроил и не только со мной, со многими, с теми, кто родился в Киеве, я имею в виду артистов, потому что они им запрещали туда... Я просто хочу сказать, что это – мои враги, личные мои враги. Но я даже им не желаю испытать то, что я испытал. Это чертовщина конкретная, ими руководит черт.

Жизнь в Америке

И был еще момент, который я никогда, наверное, не забуду, после 10-летнего перерыва, город Лос-Анджелес... 8.5 лет мы жили в Лос-Анджелесе, 1.5 года в Нью-Йорке и я приехал, и слава Богу, мой товарищ оставил мне ключи в Отрадном от трехкомнатной квартиры, потому что у меня здесь ничего не было, всё уже... И я никогда не забуду этот момент: маленький сынок мой на руках, огромные чемоданы и я приезжаю... Лифт не работает, а 3-й этаж. И я с чемоданами поднимаюсь, и между вторым и третьим этажом на площадке сидят совершенно обдолбанные пацаны, что-то сидят и что-то бормочут... Я перешагнул через них, они даже не отодвинулись, потому что они меня даже не видели. И я пришел, открыл дверь ключом, вошел в эту квартиру,

сел на кровать и у меня слезы навернулись на глаза, думаю: «Мама дорогая!», куда я попал...

У меня в США был дом с теннисным кортом и с бассейном в очень хорошем районе в Лос-Анджелесе. Недалеко жил отец Майкла Джексона, в общем такой район был серьезный. Очень чудесно все: белки, я кормушки им делал, кормил белок... Но просто, Америка, это все хорошо, когда ты живешь в Советском Союзе и пропаганда тебе говорит: «А вот у нас... А у вас там... А вот мы...», - и ты приезжаешь... Мы приехали, первое, Манхеттен, эти два торговых центра, здания, это все горит, сверкает. Мы ехали в Нью-Джерси, нас везли на лимузине. Мы вышли, стоял лимузин стрейч, и стоял микроавтобус. Мы, конечно, как советские истинные граждане ломанулись в автобус. Нам говорят: «No-no, this way», - показали на лимузин, мы сели в этот лимузин, поехали. Это был лимузин нашего будущего менеджера.

Там была фабрика «Kramer Guitars», а он был хозяином этой фабрики. Он жил в Нью-Джерси, у него там дом был большой тогда. И мы ехали туда, и я Лехе Белову сказал, говорю: «Леха, - я смотрю, Манхеттен, говорю, - всё, я отсюда никуда не поеду» - «Подожди! Давай посмотрим, куда нас привезут. Может там нас грохнут!» Приехали, нас там не то что не грохнули, а очень здорово встретили, замечательно. И мы там записали первое демо, первые пластинки «Bang», это 1987 год. Мы приехали туда, побыли, ну а потом вернулись в Москву, отпели московский фестиваль в Лужниках «Рок за мир» и опять вернулись в Штаты. Я был уже до 1994 года.

Приехали в 94-м, а здесь всё по-другому! В магазинах не так, как было: нет морской капусты, всё по-другому. И в гостиницу, пожалуйста, проводи кого хочешь: друзья, товарищи, никто тебе слова... Как бы в гостиницу раньше не провести никого. И вообще стала другая страна. Смотрю – Макдональдс появился... Интересно. Теперь уже нет, слава богу. В общем, я хочу, что сказать? О чем сказать? Что вот те впечатления, которые... Во-первых, я слушал западную музыку, я вырос на Beatles, на Deep Purple, Grand Funk Railroad, Led Zeppelin, это всё слушалось на бобинах. Диск – это было вообще что-то нереальное... У меня есть диск, кстати, Beatles Abbey Road, в то время купил за 90 рублей. Я купил, он у меня стоит дома, я на него смотрю иногда: джинсы не купил, а купил этот диск... Потрясающе! В общем то, что тогда казалось невысказанным, замечательным, свободным, через некоторое время проживания там, всё угасало, угасало...

Почему вернулся из Америки в Россию

Всё закончилось. Во-первых, ребенок, это раз. Ему было уже 3 месяца, и можно было ехать. А во-вторых, самая главная причина, когда мы только приехали в Штаты в 1987 году, нам сказали, один компетентный человек сказал, что буквально через 2 года формат MTV и вообще музыкальный формат рок-музыки поменяется полностью. Мы еще тогда думали, что это такое... А так и было и вдруг, через 2 года, такое ощущение, что кто-то рубильник так «раз» - и появились Nirvana, Pearl Jam, Soundgarden и так далее. Вообще другая музыка и вообще другое понимание всего этого. Видимо, другие наркотики появились и всё это так поменялось, я так думаю.

Я был у них всех на концерте: Nirvana, Pearl Jam, Soundgarden. Они втроем работали, по очереди. И вот этот stage diving (прыжки в толпу) я впервые увидел, когда люди разгоняются, прыгают в толпу, разбивают себе в кровь лица и так далее. Этот Курт

Кобейн в какой-то рубашке с засаленными волосами... Две лампочки горит – то есть нет шоу. И с такой громкостью... Я рок-музыкант, я понимаю, что такое громкость, давление... Ну, которое разрезает напополам просто – ну, а всем пофигу. Нет такого зрелища, как это было у Pink Floyd, как у Def Leppard или...

Про предателей

Господи, Бог ему [Борис Гребенщиков] судья на самом деле. Если у него есть такие деньги, он считает это нужным, отправить именно туда, куда он отправил [Украина], чтобы там убивали потом наших... Я считаю, что нам всем потом придется отвечать, а как же, именно перед ним... Вы знаете, я помню, пацаном, в одной из советских газет была замечательная статья. Это был конец 60-х, по-моему, начало 70-х годов. А ситуация такая. В газете было написано следующее, что в Белоруссии пацаны, значит, гуляли по этим лесам, я не знаю, что они там, охотились, что они там делали, они провалились в какой-то подвал, землянку.

Оказался немецкий склад с вооружением, с обмундированием, с консервами, с сигаретами, касками – полностью всё, что нужно. Они нарядились в это все, взяли шмайсеры, в масле которые были, и потом заскочили в первую там какую-то недалеко лежащую деревню, значит, заскочили, бабушки начали молиться, думали, опять началась война. Но самое интересное, вышел один человек со списком коммунистов и «наконец-то, вернулись!». Так вот я и хочу сказать, что у нас есть такие люди, о которых мы знаем, которые говорят в открытую, а есть такие, которых мы не знаем – вот они со списками придут, мне так кажется.

Про украинцев

Вы знаете, мне откровенно их жалко. Вот я смотрю на них и мне просто их жалко, чисто по-человечески. Потому что финиш у них будет несладкий. У тех, кто это всё замутил, вот эту вот кашу. Потому что у меня, я повторяю, есть друзья на Украине, и в Одессе, и в Киеве. И это замечательные люди, которые прекрасно все понимают, что происходит. Они говорят «мы ждем-не-ждемся», серьезно. Хотя приходится с ними связываться очень скрытно, потому что они все-таки понимают, что СБУ пасет поляну, как говорится.

Я думаю, что все равно всё будет так, как надо. Вы знаете, когда это началось, 8 лет назад на Донбассе, я сразу, вот говорил сразу это – ну, неужели нельзя сесть за стол переговоров, договориться? Ну, зачем вы привезли туда вооружение, начали стрелять по этим детям, по этим старикам? Договориться всегда можно. А, если нет, то не надо было договариваться, им это просто не нужно. И потом, я на Донбассе, Луганске был несколько раз за эти 8 лет, я видел эту дорогу, изрытую ямами, воронками. Мы въезжали из Ростова.

Я помню эти концерты, лица людей после концерта, женщин со слезами, которые говорили: «Ну, скажите Путину, пусть нас заберут», – я говорю: «Ну, я-то, что я могу-то? Я, если будет такая возможность, я конечно скажу, но кто я такой?» Но я видел их глаза, этих ребят с автоматами, ополченцы, которые говорят: «Ну, мы с Россией. Как же можно это... 8 лет это все длилось, 8 лет! И я видел эту аллею детей [мемориальный комплекс Донецка в память о детях, погибших в ходе войны в

Донбассе]. А особенно на меня произвело впечатление мой первый приезд, когда я только приехал в гостиницу, шикарная там гостиница «Рамада».

Я вошел в свой номер, в котором я жил ранее, ещё в то время, и огромные эти окна. И как в войну переклеено лентой. И мурашки по коже, думаю, до чего мы дожили, это что такое вообще! Это как это понять вообще? «Кто не скачет, тот маскаль»... Это действительно очень странная история. Это же единственная такая большая нация, которая своей национальной идеей сделала ненависть к русским. Нет больше такой величины нации сейчас в современном мире, которая бы формировалась, как национальное единство, исключительно на одном чувстве – на ненависти. И на ненависти к своему собственному народу, на самом деле.

Когда я говорю «собственный народ», я считаю, что никаких украинцев не существует, я считаю, что они такие же русские, как и мы. Это же на самом деле очень странная психологическая травма.

Про украинский язык

Был такой случай во Львове, когда мы с «Парком» выступали там на велотреке и у нас был концерт, велотрек там такой крытый есть... И до этого, перед этим, в этот день интервью на радио. Это 94-й, наверное. И мы приехали из Штатов, у нас был большой тур по России, вот Украина, значит, Киев, Львов... В Киеве стадион был большой очень и нас пригласили на радиостанцию – интервью, - рок радиостанция, роковая. И диджей нас встретил и говорил по-русски, вот так с нами разговаривал: «Ребята...», - мы обсудили, что мы сейчас будем, о чем мы будем говорить и так далее.

Он сел за микрофон, и начал говорить по-украински. Причем, я понимаю украинский язык, понимаю. А он так говорил быстро и западенски, он немножко отличается как-то, каким-то образом – я ничего не пойму... Я говорю: «Братан, давай по-русски», - он «Бл-бл-бла...», - я говорю: «Ок. Ду ю спик инглиш?», - я говорю, ок, - и по-английски... И он заткнулся. Я говорю: «Ну, вот до чего мы договорились. Как-то надо уважать человека, который пришел к тебе на интервью»

Нет, я понимаю. Но вот есть такие диалекты, которые я не понимаю. Тем более если он быстро говорит... Украинцы говорят очень быстро «Бл-бл-бл...». Бабушка разговаривала на суржике. Но это было как-то трогательно, я не знаю... Я помню. В Киев, когда я приезжал к родителям, конечно, пока отец еще был жив...

Запрет языка

Как можно Донбассу запретить говорить по-русски? Ну, зачем это? Вот говорите вы, террористы, говорите, вот разговляете, а потом поговорим – ну, как это? Ну что это такое? Ну, не говорили они, ну, что теперь им? Ну, это бред. Вообще, мне кажется, когда кого-нибудь чему-нибудь заставляют чего-нибудь делать, не то, что человек хочет, я имею в виду в хорошем смысле этого слова, то это всегда приводит к каким-то вещам типа революции.

Типа каких-то выходов на площадь с требованием чего-то там и так далее, а потом перестрелок. То есть происходят какие-то вещи, которые с человеческой сущностью никак не связаны. Ну, так человек устроен. Я не представляю. Я где-то в глубине души

не рад, но хорошо, что мой отец этого ничего не видит, и мой дед не видит. Я не знаю, как бы они это все пережили.

Вот я – советский человек тоже. Я, например, в то время не понимал, какая разница между Украиной, украинцами и мной, между казахом и мной. Мы живем, ну, да, мы выглядим по-разному, говорим иногда на своих каких-то разных диалектах, языках. Но это была одна страна, это было одно целое, что мы успешно развалили и стали убивать друг друга.

Есть ли будущее у Украины?

Я не знаю, как она [Украина] должна существовать, но она должна быть. Ну, люди – люди потрясающие! Замечательные... И друзья мои. Что значит, не должна существовать? Если бы это было так, то вот эта военная операция была бы войной, такой, как американцы устроили в Югославии или где-нибудь еще – стерли бы с лица земли, и на этом бы все закончилось. Я думаю, что все-таки мы будем соседствовать с другим правительством, народ-то в основном нормальный...